

Повесть «Прощание с Матёрой» В. Распутина в китайской критике

Сюй НА

В статье анализируется восприятие повести В. Распутина китайской литературной критикой, показаны основные подходы к анализу идейно-эстетических особенностей самого значительного произведения известного русского прозаика. Подчеркиваются особенности региональной литературы, использование образа «старухи» и сновидений, традиционной символики.

Ключевые слова: литература, регионализм, нравственность, символизм, традиция, эстетика.

The article analyzes the perception of the story by V. Rasputin by Chinese literary criticism, shows the main approaches to the analysis of the ideological and aesthetic features of the most significant work of the famous Russian prose writer. The features of regional literature, the use of the image of the «old woman» and dreams, traditional symbolism are emphasized.

Keywords: literature, regionalism, morality, symbolism, tradition, aesthetics.

Литературное развитие Китая отличается спецификой, которой нет, пожалуй, ни у одной другой нации: в многонациональном и многоязычном государстве «язык литературы» по сложности оказался недоступным большинству местного населения, что потребовало создания на основе иероглифики нового языка и, как следствие, отказа от многих омертвевших канонов классической литературы. Благодаря этому с конца XIX в. китайская культура совершила грандиозный скачок в освоении культуры Запада и России и создании собственной новой литературы. Центральное место в этом культурном процессе занимала переводческая деятельность, а также исследования переведенных на китайский язык произведений писателей России. Это плодотворное сотрудничество определяло процесс развития литератур в XX в., что хорошо иллюстрирует восприятие в КНР «деревенской» прозы и ее наиболее авторитетных представителей.

В. Распутин – один из самых популярных русских писателей второй половины XX в. не только у себя на родине, но и в Китае. Наиболее известные его произведения («Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Пожар» (1985) и «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003)) были практически сразу после издания на родине переведены на китайский язык и вызвали широкую полемику не только в России, но и в КНР, а повесть «Прощание с Матёрой» (1976) стал объектом исследования для многих российских и китайских ученых. Причем не только литературоведов и литературных критиков, но и социологов, религиоведов и философов. В целом за прошлые полвека в КНР появилось почти сто рецензий и критических статей, многовекторно и многоаспектно анализирующих произведения В. Распутина. Также необходимо отметить совпадение или аналогичность выводов исследователей из этих стран, причем на раннем этапе китайские ученые в основном отталкивались от точки зрения русских критиков, рассматривая затронутые в романе проблемы памяти людской о своих предках и взаимоотношениях с землей, природой в целом главным образом с позиций морали и нравственности.

Прежде всего это относится к интерпретации повести «Прощание с Матёрой» с нравственной точки зрения, которая всегда была доминирующей в творчестве популярного русского писателя. Именно начиная с 1960–1970-х гг., считают китайские критики, русские писатели-единомышленники стали исследовать нравственные проблемы современности, рассуждая о восстановлении традиционной морали в своих литературных произведениях. А. Солженицын даже назвал их «моралистами» [1], т. е. Нобелевский лауреат подчеркивал доминирующее начало нравственного отношения к человеку, на глазах которого происходит разрушение традиционного цивилизационного уклада в эпоху глобализации. Об этом говорит и сам писатель: «Изучение человеческой личности с нравственной точки зрения, кажется, единственный способ объяснить особенности моего творчества и творчества моих коллег по деревенской прозе» [2, с. 1–2].

Для китайских читателей и критиков В. Распутин на протяжении многих лет являет собой совесть русского общества, в котором глубоко укоренились идеи спасения идеалистическим духом, именно поэтому он не желает так легко и просто отказываться от исконного чувства справедливости и моральной ответственности. Писатель в этих онтологических положениях непоколебим, а монолитность мышления В. Распутина, его радикальная твердость в отстаивании личных убеждений приводит к определенной конфронтации с некоторыми базовыми представлениями современного общества. Идеальная реальность конфликтует с реальностью существующей, потому что последняя не является свободным пространством, предоставляющим каждому гражданину возможность совершить моральный и материальный добровольный выбор.

На протяжении последних десятилетий китайские критики подчеркивают традиционность произведений современных представителей русской деревенской прозы. Только в творчестве В. Шукшина отмечают определенную склонность к модерну, остальные же романы и повести В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина, с точки зрения ученых, имеют ярко выраженный антимодернистский характер. В. Распутин даже считает, что современная цивилизация ведет к нравственной деградации человека. Поэтому писатель всегда стремится вернуться в прошлое, чтобы именно там найти точку опоры. Последнее в значительной степени повлияло на выбор главных героинь его повестей: он предпочитает писать о старых деревенских женщинах – бабушках и матерях – как о носительницах добродетели, защитницах родины, обладательницах народной мудрости, хранительницах нравственного наследия.

Не случайно статья Ван Лисинь так и называется «Об образе ‘старухи’ в повестях Распутина» [3, с. 77]. Характерно, что в цитируемой публикации проявляются некоторые попытки изучения региональных особенностей единой литературы, о необходимости которых говорил и Цзи Хэхэ [4, с. 186]. Однако Ван Лисинь значительно усиливает некоторые исходные положения, благодаря чему статус местного красного слова значительно усиливается: Сибирская литература – одна из важнейших региональных в русской литературе, а богатый региональный колорит литературного творчества и проникновение традиционного русского литературного духа позволили ей занять важное место в русской литературе XX в., особенно в 1960–1970-е гг., когда деревенская проза в сибирской литературе стала заметной и имела далеко идущее влияние. Примечательно, что в заглавии и в дальнейшем тексте китайский критик использует древний религиозный символ, исходящий из представлений о православии и его преданных адептах: В. Распутин, как один из «трех комплектов машин» в сибирской литературе, всегда был сторонником деревенской нравственности, и писатель создал ряд «стариц» – благочестивых, добрых, трудолюбивых, сдержанных, мудрых и открытых. Образ «старухи» раскрывает уникальную религиозную основу русской сибирской народной культуры, выражает призыв деревенских прозаиков к возвращению традиционных русских ценностей, вызывает сожаление о размывании традиций в процессе модернизации, а также глубокую тревогу за будущее россиян в настоящее время.

Ван Лисинь считает, что «сибирская литература имеет давнюю историю, которая восходит к сибирским летописям XVII в. и последующей подорожной литературе, а декабристы и интеллигенция, сосланные в Сибирь в XIX в., заложили просветительскую основу для развития местной культуры и литературы и внесли в нее большой культурный импульс» [3, с. 77]. После Октябрьской революции появилась надежда на всестороннее развитие краевой литературы, даже М. Горький считал, что «среди сибиряков родятся наши будущие великие романисты» [5, с. 5]. Ван Лисинь все же доказывает, что к концу 1920-х гг. сибирская литература существовала как объективное явление и самостоятельное литературное понятие, а к 1960–1970-м гг. достигла значительных успехов, а представители деревенской прозы имели большое влияние и авторитет в литературной среде. Именно В. Распутин сосредоточился на теме нравственности, создав целый ряд образов благочестивых, добрых, трудолюбивых, простых, мудрых и открытых героинь, усилив их индивидуальное внутреннее содержание сильным сибирским местным колоритом. Подобная стилистика образов позволила писателю возродить словом древние культурные традиции, ностальгически оплакивая исчезающую традиционную культуру. По словам критика, именно «старухи» – носители традиционной русской религиозной культуры – показывали значимость здорового развития духовной экологии в процессе урбанизации общества в 60–70-е гг.

Кроме того, использование подобных образов помогает писателю выразить свой культурный консерватизм в отношениях между поколениями: яркий контраст между традиционными ценностями старшего поколения и современными требованиями детей и внуков, усиленный диаметрально противоположным противопоставлением деревни и города, объясняет наличие широко используемых антимодернистских нарративов. Критик в очередной раз подчеркивает, что особенно ярко эти особенности проявляются в романе «Прощание с Матёрой».

В то же время китайские ученые выступают против замкнутого и стереотипного образа мышления при анализе явлений русской литературы, ведущего к успешному развитию в своем узком кругу и незнанию других дисциплин. Вред узкородственного развития, считает Цзи Хэхэ, влияет на появление однообразных пособий и даже монографий по изучению русской литературы. Он приводит пример, что профессор Жэнь Гуансюань написал исследование о связи русской литературы с религией, а потому считает и даже советует, что на волне междисциплинарных исследований ее (русскую литературу) можно интерпретировать с точки зрения политологии, антропологии, психологии, юриспруденции и прочих дисциплин. Для исследования русской литературы можно применить и «теорию преимущества гибридизации в живом мире». В качестве примера исследователь называет тематику работ китайских ученых: «Сон в красном тереме и каллиграфия», «Психологическое исследование древней китайской литературы», «Законы и литература на примере традиционной китайской драмы», «Культурная история литературы – от среднего периода Танской династии до династии Северной Сун». Видно, надеясь на нечто подобное в русской критике и литературоведении.

Сунь Юхуа в аннотации отмечает, что «разочарование в реальном мире и приверженность нравственному идеализму заставляют русского писателя Распутина часто прибегать к абсурдной, но богатой по смыслу образности “сна”. Последнее не только выражает традиционное для писателя чувство социальной ответственности, но и свидетельствует о глубоко укоренившемся в авторе чувстве спасения. Критик систематизирует и анализирует бессознательный выбор писателем “сновидческих” образов для того, чтобы оторваться от трагизма реальности, раскрыть неустанную критику писателем общественной морали, указать на последовательный литературный подтекст и дух личности в его творениях» [6, с. 38].

Для придания убедительности своим положениям китайский критик использует высказывания Платона («Сны – это продукт чувств»), Фрейда («Сны не бессмысленны и не абсурдны», «Сны – вполне обоснованные психические явления, они являются исполнением подавленных желаний в замаскированном виде») метафору Рабиндраната Тагора («Мечты и фантазии – это крылья искусства») [7, с. 75]. Сунь Юхуа доказывает, что сны не пусты и не абсурдны, они являются вполне осмысленным духовным феноменом. Для литературных произведений, в которых предметом обсуждения является человек, введение образа «сон» является естественным и обычным. Сны – не только часть жизни каждого человека, но и тесно связаны с литературным творчеством. Поэтому они стали не только предметом, который литературоведы и художники стремятся исследовать, но и средством выражения и художественным носителем, который часто заимствуется в литературном творчестве [8, с. 32]. Услышав, что остров Матёра будет безжалостно затоплен и власти уже послали людей сжечь кладбище, Дарья собирает старшее поколение жителей, чтобы остановить акт вандализма. В. Распутин для усиления нравственного урока использует прием контраста. Из-за тревожных мыслей, которые довлеют в сознании Дарьи, она не может ночью спать, ее душа парализована эсхатологическим страхом: весь привычный мир рушится. Автор показывает, что Дарья подчиняется некой высшей силе, которая заставляет ее выйти во двор и погрузится в глубокий сон. Именно небеса вместе со звездами уносят старуху от земли, очищают ее и в глубоком трансе возвращают на прежнее место, спасая от грозовой мести за отречение от заветов предков. Ей казалось, что небеса собираются разразиться громом и осудить их за то, что они забыли древние учения, трактующие смыслы бытия. Китайский ученый подчеркивает, что процесс очищения и обновления души Дарьи во время сна, как и голос с небес – «Ложись спать, Дарья, и жди, все будут осуждены» – остановить невозможно, ибо этот сон – месть за потерянную связь поколений. Критик акцентирует внимание на главных особенностях поэтики произведения. Сон не только подчеркивает депрессию и отчаяние Дарьи от потери всего, что объединяет духовную мудрость пред-

ков, но и обладает свойством эстетизации, то есть раскрывает изменчивость и загадочность романного повествования с точки зрения художественного замысла и сюжетной конструкции, что усиливает художественную привлекательность произведения.

Вместе с Хозяином Острова – это фантастический персонаж, «маленький, чуть больше кошки, ни на какого зверя не похожий зверек», своего рода дух, который охраняет деревню и пропадает вместе с ней, жителей Матёры защищает и необыкновенное царское дерево, которое присланные санитары не в состоянии ни срубить, ни сжечь. Подобное использование мифологических мотивов и образов, считают исследователи, значительно усиливает публицистический и художественный потенциал произведения. В целом необходимо отметить, что китайские критики дали адекватную картину истории замысла и создания одного из лучших произведений В. Распутина, определили его поэтику и использование изобразительных средств, и в целом нравственную значимость произведения. Их работы, эмоциональные и профессиональные, способствуют более глубокому постижению проблем, волнующих русского писателя и всё человечество.

Литература

1. «В поисках берега». Речь, произнесенная при вручении премии Солженицына [Электронный ресурс] / В. Распутин. – Режим доступа : <https://www.vsp.ru/2000/05/13/v-poiskah-berega/>. – Режим доступа : 05.03.2024.
2. Дун, Лиу. Перевод «Прощание с Матёрой» / Лиу Дун [и др.]. – Пекин : Изд-во иностранной литературы, 1999. – 472 с.
3. Ван, Лисинь. Об образе «старухи» в повестях Распутина / Лисинь Ван. – Пекин : Русская литература и искусство, 2019. – С. 77–83.
4. Цзи, Хэхэ. О расширении границы изучения русской литературы / Хэхэ Цзи // Рэгіянальнае, нацыянальнае, агульначалавечае ў славянскіх літаратурах ; укл.: І. Ф. Штэйнер (і інш.). – Мінск : ЮНПАК, 2020. – С. 186–193.
5. Цзинь, Яна. Краткое описание сибирской литературы / Яна Цзинь. – Пекин : Изд-во иностранной литературы, 1983. – 135 с.
6. Сунь, Юйхуа. Образы сновидений в творчестве Распутина / Юйхуа Сунь. – Пекин : Изд-во иностранных языков и преподаваний иностранных языков, 2005. – С. 38–41.
7. Хэ, Чжуншэн. «Автобиография» – Фрейд : цена цивилизации / Чжуншэн Хэ, Фэнгао Юй // Шэньян : Изд-во Ляохай, 1999. – 288 с.
8. Лун, Хуэйпин. Мечты в Сунсой речи и менталитет литераторов династии Сун / Хуэйпин Лун, Чантянь Чжэн // Хунань – Журнал китайской рифмы и литературы. – 2001. – № 2. – С. 32–38.